

О восприятии и использовании пушкинского наследия Ильей Чавчавадзе

Если роль Пушкина в прогрессе русской литературы и общественности более или менее изучена, то о рецепции его наследия в других странах мало что известно. Мы не знаем, как распространялись, переводились, трансформировались, использовались пушкинские шедевры на нерусской почве, нерусскими читателями, какую роль они играли и играют в общественно-литературной жизни народов Советского Союза и всего мира. А ведь без этого знания мы не сможем себе составить ясного представления ни о значении и величии Пушкина, ни о литературе тех стран, где его произведения распространяются, переводятся, влияют на общественное самосознание, культуру, эстетический вкус людей.

Наше представление о Пушкине основано на слишком ограниченном круге фактов; мы судим о его величии и значении главным образом по материалам, опубликованным на русском языке. Имеются сборники и исследования типа «Пушкин в русской критике», но, к сожалению, нет таких книг, как «Пушкин в армянской (грузинской, украинской, литовской...) критике». Говоря о Пушкине и литературе его времени, исследователи часто забывают, что к литературе пушкинской эпохи относятся не только русские произведения, что имеется грандиозный клад иноязычных материалов, заслуживающих пристального внимания пушкиноведов. Следует учесть, что многочисленные нерусские критики, писатели, переводчики, читатели воспринимают и освещают наследие поэта по-своему, в соответствии со своей национальной спецификой и психическим складом, в свете своих национальных традиций и представлений.

По выявлению, изучению и обобщению колоссального материала, связанного с именем Пушкина, в последнее время ведется определенная работа в наших национальных республиках и в различных странах мира. Об этом свидетельствует, между прочим, и ряд докладов на последних Пушкинских конференциях (в Тбилиси и Ереване в 1971—1972 гг.). Возникли даже понятия: «грузинское пушкиноведение», «украинское пушкиноведение» и т. д. Но работа идет как-то разобщенно. Необходимо не только расширять круг исследований, но и координировать и направлять деятельность пушкинистов, работающих в союзных республиках, в разных странах, обобщать и делать доступными для

заинтересованных людей достижения всех национальных ветвей пушкиноведения¹.

Данная статья — лишь капля в море материалов по тематике «Пушкин и грузинская литература».

Какая связь может быть между Пушкиным и Ильей Чавчавадзе — деятелем другой нации и другой эпохи, который родился в год смерти Александра Сергеевича и погиб от рук царской охранки в 1907 г.? Однако связь эта самая тесная.

Хотя грузинская литература насчитывает около полутора тысяч лет своего существования, на долю Ильи Чавчавадзе и его соратников-шестидесятников², выдающихся деятелей национально-освободительного движения прошлого века, выпала задача огромной исторической важности — возглавить борьбу за преобразование родной литературы и литературного языка на реалистических и демократических началах. В этой борьбе, естественно, они обращались к богатому опыту передовой русской литературы, особенно к наследию Пушкина — основоположника новой русской литературы и нового русского литературного языка.

Русскую литературу и русскую науку Чавчавадзе считал двумя чистыми родниками, утоляющими духовную жажду грузинской молодежи, обучавшейся в русских университетах за неимением в Грузии высших учебных заведений. «Русская литература, — писал И. Чавчавадзе в 1899 г., — безусловно, оказала большое руководящее влияние на путь нашего развития, оказала большое воздействие на все то, что составляет нашу духовную силу, наше сознание, нашу мысль. Она наложила свой отпечаток на наши чувства и направление в целом. Нет среди нас сегодня ни одного деятеля на поприще литературы или общественной жизни, не испытавшего на себе воздействие русской литературы»³.

В то же время Чавчавадзе подчеркивал, что грузинские деятели не слепо подражали русским писателям, а воспринимали их опыт критически, творчески, с учетом своей национальной специфики. «Любая мысль, — писал Чавчавадзе там же, — лишь пустая фраза в руках того, кто воспринял ее, не пропустив предварительно через огонь жестокой критики. Такой человек похож скорее на сороку, нежели на подлинного представителя проповедуемой им мысли, которую он должен перенять у другого в ре-

¹ Об этом я говорил на XXI и XXII Пушкинских конференциях. См. отчеты о них в «Известиях АН СССР, Серия литературы и языка», 1972, вып. 1, стр. 97 и 1973, вып. 2, стр. 195.

² В грузинской литературе они известны под именем «тергдалеулни» («тергдалеульцы», «терековцы»), что означает: испившие воду Терека, т. е. перешедшие историческую границу Грузии — Дарьяльское ущелье и отправившиеся в Россию для получения высшего образования.

³ «Летопись дружбы грузинского и русского народов с древних времен до наших дней», т. I. Изд. 2. Тбилиси, 1967, стр. 375.

зультате критического восприятия». С этих правильных позиций и подходит Чавчавадзе к освоению и использованию русского опыта вообще, наследия Пушкина в частности.

Пушкин как создатель новой русской реалистической литературы был величайшим поучительным примером для Ильи Чавчавадзе и его соратников — борцов и создателей новой грузинской литературы. «Велико значение Пушкина для грузин, — писал И. Чавчавадзе в 1899 г., — за последние 70 лет у нас не было ни одного поколения, которое, приобретая знания, не увлекалось бы творчеством Пушкина».

Первые блестящие образцы творческого восприятия и применения пушкинского наследия Ильи Чавчавадзе показал еще в период учения в Петербургском университете (1857—1860). В те годы в этом прославленном университете обучалось более тридцати грузинских юношей. Чавчавадзе справедливо считал, что в эти «золотые годы» был заложен фундамент духовной жизни его поколения. Именно в Петербурге, в центре «брожения умов» в эпоху революционной ситуации выработал свои взгляды общепризнанный вождь грузинских шестидесятников И. Г. Чавчавадзе — великий мыслитель и писатель, публицист, журналист и общественный деятель. Петербургское четырехлетие Ильи Чавчавадзе по интенсивности и продуктивности творческой работы можно сравнить с Болдинской осенью Пушкина. К этому периоду относится большинство его художественных произведений и переводов, а также его первая критическая статья о переводе поэмы И. И. Козлова «Безумная» на грузинский язык. На этой статье стоит остановиться, поскольку она ознаменовала начало борьбы за новую реалистическую литературу и новый литературный язык.

Судя по всему, Чавчавадзе и его соратники хорошо разобрались в сущности полемики, которая велась в русской прессе о «пушкинском» и «гоголевском» направлениях. Отвергая реакционную теорию «искусства для искусства», которую дворянско-либеральная критика пыталась подкрепить произведениями Пушкина, превратно их истолковывая, Чавчавадзе и его единомышленники разделяли в основном взгляды Чернышевского на Пушкина, но с некоторыми оговорками. В частности, они, видно, не были согласны с его мнением о том, что хотя пушкинское наследие — явление колоссального значения, но оно целиком принадлежит ушедшей эпохе, что Пушкин якобы «не может быть корифеем и современной русской литературы»⁴, где его место по праву заняли и Лермонтов, и Гоголь. По этому вопросу Чавчавадзе разделял точку зрения Белинского, считавшего творчество Пушкина вечно живым и движущимся явлением, в котором каж-

⁴ Н. Г. Чернышевский. Полное собрание сочинений, т. II. М., 1949, стр. 505.

дая эпоха, каждое поколение открывает что-то новое, поучительное. Чавчавадзе хорошо знал, что именно благодаря Пушкину русская литература преодолела классицистические, сентиментальные и консервативно-романтические течения и вышла на широкие просторы реализма. В Грузии же этот этап еще не был пройден. В единственном грузинском журнале того времени «Цискари» («Заря») господствовали архаисты — консервативные «отцы».

Солидаризируясь с мнением Белинского о Пушкине и Козлове, Чавчавадзе в своей статье, посланной из Петербурга в 1860 г. в Тифлис, в редакцию журнала «Цискари» (где была напечатана «Безумная» Козлова в переводе Р. Ш. Эристави), настойчиво связывает с именем Пушкина новый период русской литературы. Он пишет, что классицизм, сентиментализм и тот вид романтизма, представителем которого является Козлов, отжили свой век, что эти направления имели известный успех в то время, когда русская общественность «не была так развита эстетически, как после Пушкина»⁵. Доказывая, что эти направления способны лишь тормозить развитие грузинской литературы, Чавчавадзе справедливо считает, что ее прогрессу могут способствовать переводы произведений таких «первейших звезд русской литературы», как «Пушкин, Лермонтов и Гоголь», а не «плаксивый Козлов»⁶.

Показательно, что грузинский автор не Пушкина противопоставляет Гоголю, а Пушкина, Лермонтова и Гоголя — Козлову.

Доказывая необходимость изучения и перевода произведений Пушкина и Лермонтова, Чавчавадзе сам еще в студенческие годы увлеченно переводил их. Летом 1858 г. он перевел стихотворения Пушкина «Истина», «Ангел» и «Пророк», а в 1859—1860 гг. — лермонтовские «Хаджи-Абрек», «Сон», «Утес», «Пророк», отрывки из «Демона» и «Мцыри».

Судя по всему, Илью Чавчавадзе, готовящегося к будущей деятельности, сильно занимал вопрос о роли и назначении писателя. Весьма показательно, что именно в период учебы в Петербургском университете переводит он «Пророка» Пушкина, одноименное стихотворение Лермонтова и пишет оригинальное стихотворение «Поэт», в котором дает свое понимание роли поэта-пророка в обществе.

Как известно, «Пророк» был написан Пушкиным осенью 1826 г., когда автор остро переживал расправу царского правительства над декабристами. Как справедливо замечает Д. Д. Благой, «с прямым или косвенным уподоблением певца пророку мы неоднократно встречаемся и у самого Пушкина, и у

⁵ И. Чавчавадзе. Полное собрание сочинений, т. III. Тбилиси, 1958, стр. 11 (на грузинском языке).

⁶ Там же, стр. 12.

поэтов его круга. Причем, слово «пророк» употребляется не только в значении провидца, прорицателя, но чаще всего ему придается — в духе библейских пророков — и ясно выраженный политический смысл — обличителя общественного зла, неправедной верховной власти»⁷.

Весьма показательно, что Чавчавадзе, отправившийся в Петербург для «утоления духовной жажды», из всех пушкинских творений на тему о назначении поэта переводит «Пророка», в котором описывается обретение поэтического («божественного») дара человеком, охваченным «духовной жаждой». И позже, через три десятка лет, в речи на могиле Николоза Бараташвили, Чавчавадзе словами пушкинского «Пророка» характеризовал поэзию грузинского гения: «... Когда бог нам послал на утешение Николоза Бараташвили, он благословил его, одарив языком, чтобы говорил, очами, чтобы видел, ушами, чтобы слышал, вложил в его грудь пылающий незатухающий огонь, чтобы согревать людские сердца, и велел: иди и вещай людям мой высший завет, и глаголом жги их сердца»⁸. В описании рождения «божественного» дара нет, конечно, ничего мистического ни у Пушкина, ни у Чавчавадзе. Это поэтическая метафора, характеристика творческого акта, вдохновения, позволяющего поэту проникать в тайны мироздания.

Своеобразное продолжение пушкинского «Пророка» дал не только Лермонтов в одноименном стихотворении, но и Чавчавадзе в своем оригинальном «Поэте». Эти три стихотворения написаны не от лица автора, а от имени поэта-пророка. Как известно, пушкинское стихотворение завершается моментом, когда богоизбранник превращается в пророка. Он должен «обойти моря и земли» и «глаголом жечь сердца людей». Но у Пушкина ничего не сказано о том, что же именно должен он проповедовать. Лермонтовский пророк в своем монологе говорит:

Провозглашать я стал любви
И правды чистые ученья.

За это люди презирают и преследуют пророка, вынужденного скрыться в пустыне. Описывая дальнейшую трагическую судьбу поэта-пророка, Лермонтов, как видим, довольно абстрактно передает содержание проповеди.

Точно и высокохудожественно передав в своих переводах содержание «Пророка» Пушкина и Лермонтова, Чавчавадзе в стихотворении «Поэт», написанном летом 1860 г. (почти одновременно с переводом лермонтовского «Пророка»), дает отличное от Лермонтова продолжение пушкинской темы и более конкрет-

⁷ Д. Д. Благой. Мицкевич и Пушкин.— «Известия АН СССР. Отделение литературы и языка», т. XV, вып. 4, 1956, стр. 300.

⁸ Т. Буачидзе. Несравненный образец ораторского искусства.— «Литературиლი Сакартвелო», 16 июня 1967 г.

по говорит об общественной роли и назначении поэта. Вот содержание этого стихотворения (даю подстрочник, так как перевод В. Звягинцевой неточен): «...Меня небо назначает, а родной народ (нация) воспитывает; я с богом беседую для того, чтобы вперед вести свой народ (нацию), чтобы быть вместе с ним и в беде и в радости, чтобы его невзгоды были моими невзгодами, чтобы его счастье и несчастье жгли мою душу и сердце».

Полагаю, здесь мы имеем дело не с полемикой с Пушкиным и Лермонтовым, а с учетом новых условий, общественной ситуации 60-х годов, когда исчезла пропасть между поэтом-гражданином и его слушателями, когда в новую стадию вступило и национально-освободительное движение в Грузии. Поэт, по мнению Чавчавадзе, должен возглавить борьбу своего народа за национальное и социальное раскрепощение. Эта же патриотическая, гражданская идея, столь близкая сердцу грузинских шестидесятников, проводится и в речи Ильи Чавчавадзе на могиле Николаза Бараташвили. Характеризуя Бараташвили словами пушкинского «Пророка», Чавчавадзе вместе с тем говорит, что поэзия — не только божий дар, но и тяжелая обязанность, что поэт должен лечить кровоточащие раны людей, неустанно служить родному народу и родине.

Следует остановиться на выступлениях Чавчавадзе и его соратников в полемике, возникшей вокруг Пушкина в русской и грузинской прессе с начала 80-х годов в связи с открытием памятника поэту в Москве.

В новых условиях, в эпоху разгула реакции, старые споры, имевшие место в 60-х годах, получили новую окраску. Реакционная критика решила воспользоваться пушкинским торжеством для похода против революционных демократов, якобы отрицавших значение Пушкина. В то же время в грузинском журнале «Имеди» («Надежда») появляются пропагандисты писаревского нигилизма (А. Пурцеладзе, Д. Абдушелашвили и др.), которые полемизируют с Ильей Чавчавадзе и его единомышленниками по поводу Пушкина и оценки его русскими шестидесятниками. К чести Чавчавадзе и его соратников надо сказать, что они занимали в этих вопросах правильные позиции, ведя «борьбу на два фронта» — против пропагандистов и «чистого искусства» и писаревского нигилизма.

Описывая эпоху 60-х годов, когда «в России повеяло совершенно новым ветром», Чавчавадзе в одном из своих «Внутренних обозрений» в 1881 г. писал, что в ту эпоху «мыслящее общество» отвергло старый уклад жизни и «со всей силой ринулось к огромному делу отрицания <...> Вождем этого нового направления был славный «Современник». Далее говорится, что у «Современника» отрицание старого велось «умно и научно», «с отличием хорошего от плохого, а у Писарева, так же, как и у Базарова, без различия положительного от отрицательного <...>

Своим пинглизмом Писарев сделал неудачный прыжок и оступился»⁹.

Аналогичное толкование этих вопросов встречаем у Акакия Церетели¹⁰, Нико Николадзе и других единомышленников Ильи Чавчавадзе. Все они правильно рассматривали как творчество Пушкина, так и отношение к нему русских революционных демократов. Особенно выделяется статья известного грузинского публициста Нико Николадзе — бывшего сотрудника герценовского «Колокола» и друга Чернышевского. В своей статье, опубликованной в тифлисской газете «Обзор» в 1880 г. (накануне открытия памятника поэту в Москве) под заглавием «Роль и положение Пушкина», грузинский автор резко критикует реакционную прессу, мужественно защищает томившегося в сибирской ссылке Чернышевского и его взгляды на Пушкина.

Николадзе, по его же словам, решил выступить со статьей «ввиду очевидной недобросовестности некоторых из наших журналистов реакционного направления, стремящихся воспользоваться нынешними овациями Пушкину с целью бросить лишний раз камнем в ограду демократической русской критики, якобы отрицавшей значение Пушкина». По словам грузинского публициста, у Чернышевского «о великом значении Пушкина говорится не раз и немало, и говорится так горячо, так искренне, так восторженно, как навряд ли когда удастся заговорить нашей реакционной прессе»¹¹. Далее, дав блестящую характеристику творчества Пушкина, Николадзе переходит к резкой критике царского режима, губившего гениальных людей.

В дискуссии, развернувшейся в грузинской прессе с начала 80-х годов, Чавчавадзе подвергался нападкам с разных сторон — и «справа» и «слева». Некоторые обвиняли его, между прочим, и в том, что на знамени издаваемой им газеты «Иверия» были написаны пушкинские слова:

Мы рождены для вдохновенья,
Для звуков сладких и молитв.

На это обвинение Чавчавадзе отвечал иронически-многозначительно: неужто следует воздать хвалу не этим словам, а другим:

Мы рождены для доносов,
Для сплетен, лжи и клеветы.

В этот период разгула реакции Чавчавадзе находился почти в таком же положении, в каком оказался Пушкин после пораже-

⁹ «Летопись дружбы...», т. I, стр. 373.

¹⁰ Там же, стр. 376.

¹¹ Там же, стр. 258.

ния декабристов, когда русскому гению приходилось бороться за свободу и независимость поэтического слова.

Размер статьи не позволяет остановиться на других фактах, свидетельствующих о творческом освоении и использовании наследия Пушкина Ильей Чавчавадзе. Скажу только, что великий грузинский писатель на всем протяжении своей деятельности всегда восторженно писал о Пушкине, всячески способствовал его популяризации, часто обращался к нему, как к поучительному примеру при решении конкретных задач грузинской культуры.

Пушкина Чавчавадзе относил к числу тех гениев, которые составляют «славу и гордость России». По словам грузинского писателя, Пушкин «первым показал России пленительность и сладость русского стиха и словесности»¹².

¹² «Летопись дружбы...», т. I, стр. 262.

Академия наук СССР
Институт мировой литературы
им. А. М. Горького

ИСКУССТВО СЛОВА

СБОРНИК СТАТЕЙ
К 80-ЛЕТИЮ
ЧЛЕНА-КОРРЕСПОНДЕНТА АН СССР
ДИМИТРИЯ ДИМИТРИЕВИЧА
БЛАГОГО

Издательство «Наука»
Москва 1973